

Станислав Боридченко

Обратный колониализм

ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКИХ ИМПЕРСКИХ
АМБИЦИЙ В ПЕРИОДИКЕ РОССИИ ВРЕМЕН
ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ II¹

Stanisław Boridcenko

Reverse Colonialism. The Limits of Russian Imperial Ambitions in the Press Discourse
of Nicholas II's Russia

Станислав Боридченко (Щецинский университет, научный сотрудник Исторического института; PhD) stanislaw.boridcenko@usz.edu.pl

Ключевые слова: Российская империя, империализм, колониализм, ментальная карта, интеллектуальная история, Николай II

УДК: 930.23

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_126

В статье анализируются альтернативные дискурсы русской интеллигенции времен царствования Николая II (1894–1917). В центре ее внимания — интерпретации политики территориальной экспансии России в эпоху ее модернизации. Согласно основной гипотезе, в период правления последнего русского царя в русской интеллектуальной традиции наметилась тенденция к десакрализации империи, что привело к переосмыслению необходимости сохранять прямой контроль над многочисленными ранее аннексированными приграничными территориями.

Stanisław Edward Boridcenko (Uniwersytet Szczeciński, Instytut Historyczny; PhD) stanislaw.boridcenko@usz.edu.pl

Keywords: Russian Empire, imperialism, colonialism, mental map, intellectual history, Nicholas II

UDC: 930.23

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_126

My article explores alternative discourses of the Russian intelligentsia during the reign of Nicholas II (1894–1917). It focuses on the interpretation of Russia's policy of territorial expansionism in the era of modernization. According to my hypothesis, during the reign of the last Russian tsar, a tendency toward the desacralization of the empire emerged within Russian intellectual tradition, leading to a reconsideration of the necessity of maintaining direct control over numerous previously conquered territories.

Введение

Генерал Алексей Куропаткин в своих воспоминаниях о Николае II красноречиво описал экспансионизм, в соответствии с которым мыслил последний российский император: «Я сказал Витте, что у нашего суверена в голове грандиозные планы: присоединить Маньчжурию к России, готовить захват Ко-

¹ Данная статья написана благодаря финансовой поддержке Стипендиальной программы Фонда прусского культурного наследия, сделавшей возможными исследования в собраниях Берлинской государственной библиотеки в 2024 году. Отдельно мне хотелось бы выразить благодарность за неоценимую помощь директору Восточноевропейского департамента Библиотеки Олафу Хаманну и специалисту по исследовательским грантам Сусанне Хеншель. Кроме того, я чрезвычайно признателен Николаю Нахшунову, чья редакторская правка помогла привести мой текст в соответствие со стандартами академического русского языка.

реи. Он мечтает взять под свой скипетр и Тибет тоже. Он хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но также и Дарданеллы»². Эти мечты о расширении России являются собой кульминацию империалистического мышления, для которого территориальная экспансия государства становится наивысшей целью.

И все же насколько амбиции Николая II отражали чаяния его подданных? Действительно ли неограниченное расширение границ и «приращение» государства безоговорочно приветствовались? Как оценивались последствия этой политики в свете отношений между центром и многочисленными перифериями империи? Где заканчивалась ментальная Россия в представлении ее жителей? Все перечисленные вопросы уже можно считать классическими. Однако я предлагаю трактовать их несколько иначе. Согласно моей гипотезе, в Российской империи традиционному прославлению экспансии сопутствовало альтернативное видение, не интегрированное в официальный дискурс — а по этой причине менее известное, — которое возникло в результате модернизации интеллектуальной традиции.

Подобный взгляд ярко проявляется в неожиданном месте — в одном из учебников по российской истории³. Его автор, один из наиболее влиятельных создателей учебников в Российской империи Дмитрий Иванович Иловайский, пишет: «После Финляндии это была вторая окраина [Польша], которая была одарена привилегированным положением по отношению к исконной России, еще более ей враждебная, хотя и значительно менее ей нужная»⁴. Эти строчки содержат совершенно иную картину России с постоянно расширяющимися границами — картину империи, угнетающей свой центр. В такой интерпретации главной жертвой экспансии становится сам русский народ, вынужденный существовать в одном государстве с враждебными сообществами, действующими в ущерб его интересам. В подобных условиях следующим логическим шагом становится возникновение желания избавиться от бремени.

Образ, описанный выше, указывает на конфликт двух перспектив, тесно связанных с процессом модернизации. По мере развития общества модерна и появления концепции национального государства перед российской интеллигенцией встал вопрос о том, что важнее — многонациональная империя, над которой никогда не заходит солнце, или национальное государство, отражающее чаяния и устремления одного этноса.

Настоящая статья посвящена поиску альтернативного ответа на этот вопрос, для чего я обращаюсь к дискурсу российской интеллигенции времен последнего Романова⁵. Этот текст предлагает неклассический подход к пониманию критики российского экспансионизма и сознательно отступает от традиционного политического спектра со свойственным ему разделением дис-

2 Куропаткин А.Н. Дневник // Красный архив. 1922. № 2. С. 31.

3 О причине, по которой текст учебника является неожиданным местом для подобного заявления, см.: [Boridzenko 2021].

4 Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М.: Т-во Типо-литографии И. М. Маштакова, 1912. С. 304. В оригинальной версии учебника данная фраза отсутствует. Она появляется лишь в его последующих редакциях, изданных во времена правления Николая II.

5 Классический историографический ответ на вопрос о том, как интерпретировать территориальное развитие России, можно найти в монографии: [Błachowska 2001].

курса на «левый», «центристский» и «правый». В центре моего внимания — нарратив как единое и неделимое целое, не зависящее от политической идентификации тех, кто его создал⁶.

Статья затрагивает две взаимосвязанные проблемы. Первая касается альтернативного способа интерпретирования имперской природы собственного отечества, который был присущ некоторым представителям интеллектуальных элит времен Николая II. Вторая — ментальной карты России и оснований для проведения воображаемых границ между «своим» и «чужим»⁷.

Исследование строится на дискурсивном анализе корпуса текстов, созданных подданными Николая II, которых принято именовать интеллигенцией. В своей массе это разнообразная публистика, предназначенная для периодической печати⁸. Интерпретация текстов производится в духе Хайдена Уайта и его новой интеллектуальной истории⁹. В центре моего внимания оказывается чрезвычайно ограниченный феномен — критическое восприятие имперской собственного отечества. Отдельно стоит отметить, что анализируемые идеи являются продуктом достаточно узкой и специфической прослойки населения. Поэтому они в полной мере не отражают взглядов ни широких масс, ни политических элит. Даже в случае интеллигенции существовали тенденции, самой явной из которых было «государственничество»¹⁰. Таким образом, данный текст сконцентрирован лишь на одном аспекте интерпретации реальности русскими интеллигентами — на их восприятии российского империализма как национальной угрозы, и не стремится охватить все другие трактовки российского экспансиионизма. Тем не менее затрагиваемый сюжет позволяет лучше понять закономерности, связанные с процессом, который я считаю первым шагом к интеллектуальной деколонизации империообразующего сообщества.

Модерная нация как враг империи

Традиционное имперское мышление, как уже было отмечено, основывалось на восхвалении территориальной экспансии. Его последовательными носителями являлись сами Романовы. На первом месте у государственных элит было покорение новых земель и сохранение контроля над ними — как защищая новоприсоединенные территории от внешних угроз, так и противодействуя внутренним конфликтам, которые могли спровоцировать дезинтеграцию. Один из ключевых элементов такой политики — отсутствие унификации колоний и поощрение своеобразной инклузивности империи. В результате этого имперские элиты представляли собой конгломерат представителей различ-

6 Моя статья следует критической по отношению к существующему канону историографической традиции, которой придерживается целый ряд исследователей. Среди их работ стоит выделить следующие: [Правилова 2006]; [Etkind 2013]; [Miller 2008].

7 Отдельные примеры этого явления см.: [Горизонтов 2007]; [Горизонтов 2013]. Пример, заслуживающий особого внимания: [Staliūnas 2016].

8 Этим фактом обусловлено использование первоисточников, в которых часто не указаны имена авторов либо указаны не в полной форме.

9 [White 1973].

10 Примечательная трактовка колониального типа мышления в высокой русской культуре была предложена Евой Томсон: [Thompson 2000].

ных культур и этносов¹¹. А сама идея государства опиралась на постоянное подчеркивание его обширности и разнородности — как территориальной, так и демографической¹².

Этот принцип можно замечательно проиллюстрировать воспоминаниями Астольфа де Кюстина о его разговоре с Николаем I: «Исполнять эту волю весьма непросто; всеобщая покорность заставляет вас думать, будто у нас царит единообразие — избавьтесь от этого заблуждения; нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы разнились бы так сильно, как в России. Многообразие лежит в глубине, одинаковость же — на поверхности: единство наше только кажущееся. Вот, извольте взглянуть, неподалеку от нас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое из верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы, случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов, вон один из них, — с этими словами он указал мне пальцем на маленькую китайскую обезьянку в диковинном бархатном костюме, с ног до головы усыпанную золотом; на голове у юного азиата красовалась высокая прямая шапка с острым верхом и большими, загнутыми кверху круглыми отворотами, похожая на шутовской колпак. — Вместе с этим мальчиком здесь воспитываются и получают образование за мой счет двести тысяч детей»¹³. И хотя это нельзя считать описанием реального разговора маркиза с царем, впоследствии прозванным Палкиным, он замечательно отражает суть российского империализма. Такой подход был не уникален для России — это универсальная стратегия великих колониальных держав¹⁴.

Инклюзивность проявлялась и в составе государственных элит, сочетавших разные этнические, языковые и даже культурные и религиозные идентичности. Захват и колонизация новых территорий часто осуществлялись силами уже покоренных народов, успешно интегрированных в состав империи¹⁵. Так, например, польские офицеры и солдаты успешно покоряли Кавказ, становясь своего рода амбассадорами империи Романовых, а потомки покоренных ими народов использовались царским правительством для усмирения антиимперских беспорядков в Варшаве и устрашения поляков одним только своим присутствием¹⁶. В данном случае напрашиваются параллели с Французской колониальной империей и народом зуавов, который она покорила в XIX веке, а также с межколониальной миграцией в Британской империи.

11 Хотя, бесспорно, в эпоху последних Романовых наметилась и тенденция к национализации институтов власти. Ср.: [Loehr 2003]; [Weeks 1996]; см. также главу в книге Алексея Миллера, посвященную Российской империи: [Berger, Miller 2015]. Тем не менее способность политических элит к изменениям явно не соответствовала желаниям быстро национализировавшихся интеллектуальных элит.

12 Мультиэтничность Российской империи подробно рассмотрена в ставшей уже классической работе, см.: Kappeler A. The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. London: Routledge, 2001.

13 Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. С. 199—200.

14 Ср.: [Hobsbawm 1987].

15 Замечательный анализ польского примера интеграции локальных элит в состав имперских и одновременного противостояния двух национальных проектов см.: [Горизонтов 1999].

16 Подробнее о деконструкции польского национального мифа о совместной борьбе поляков и кавказцев против русской оккупации и участии поляков в покорении Кавказа см.: [Adamczewski 2019].

Более того, проникновение этой инклузивности в официальный церемониал стало практически обязательным для имперской политики. Государственная символика Российской империи — от герба до полного императорского титула — включала большое количество элементов, которые отражали многосоставность империи, а традиционные великорусские мотивы нередко оказывались в тени. Если взглянуть на большой государственный герб Российской империи, то можно заметить, что главный символ государства Российского, двуглавый орел, затерялся среди множества символов покоренных окраин с минимизированным наличием символики так называемых великороссийских областей. Подобная ситуация наблюдалась и в Британской, и в Австро-Венгерской и во всех прочих колониальных державах того времени.

Однако такая прагматичная (с точки зрения государственных элит) политика могла проводиться только в эпоху премодерна, когда основу идентичности составляли сословная принадлежность и верность правящему дому. С появлением и развитием «воображаемых сообществ»¹⁷, как обозначил конструкт нации Бенедикт Андерсон, на первый план стали выходить принципы, конфликтующие с прежней инклузивностью. Они могли быть разными, но в основном концентрировались на реальных или воображенных благах собственного народа-конструкта, который объединял представителей одного и того же этноса, спаянного общей культурой и противопоставленного другим обществам¹⁸.

Таким образом, символическая инклузивность, которая воспринималась ранее как признак величия империи (поскольку демонстрировала ее способность подчинять многочисленные народы и управлять ими), внезапно стала объектом критики. Причем эта критика часто исходила не от противников монархии, а от ее, казалось бы, наиболее последовательных сторонников. После поездки на Дальний Восток секретарь московского отделения Союза русского народа Василий Григорьевич Орлов оставил чрезвычайно характерный пассаж: «Приехав во Владивосток, мы были поражены тем обстоятельством, что все административные должности в учреждениях, как городских, судебных и портовых, высшие и низшие, оказались занятыми почти исключительно иностранными, в особенности поляками. Люди эти и по душе с антирусским направлением <...> Здесь вы увидите, рядом с православным собором, строится языческая кумирня, а когда ее закладывали, то вы представить себе не можете, как торжественно и с какой помпой присутствовали почти все высшие чины Владивостока, генералитет и консулы; точно так же как у вас, господа, закладывали в С.-Петербурге мусульманскую мечеть, вспомните, кого только не было на этом торжестве мусульман: и члены Государственного совета и Государственной думы, чины дипломатического корпуса <...> После этого можно ли удивляться тому, что на Уссурийской железной дороге существует распоряжение, по которому православные священники по делам церковных треб едут в вагонах 3-го класса, зато ксендзы катаются в первом классе»¹⁹.

17 См.: [Anderson 1991].

18 См. классические работы о национализме, его истории и значении: [Gellner 1983]; [Greenfeld 1992]; [Hobsbawm 1992].

19 Орлов В.Г. Записка В. Орлова о поездке в Сибирь // Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л.: ГИЗ, 1929. С. 152–154.

То, что раньше считалось символом мощи государства, теперь вызывало тревогу у интеллигенции, которая становилась все более национально ориентированной. А сам факт включения в ряды приближенных к царской власти представителей нетитульных этнических сообществ постепенно приводил к великорусской фобии, особенно перед некоторыми из них²⁰. О подобном беспокойстве свидетельствует одна из статей, опубликованных в годы Первой мировой войны: «Вместе с тем в газетах появились известия о том, что по мере занятия русскими войсками польских губерний будут там ставиться служащими исключительно лица польского происхождения, для чего имеется в виду ныне же заблаговременно приступить к созданию особого кадра служащих. Таким образом, в Польше чиновниками гражданского ведомства будут лица исключительно польского происхождения. Мы думаем, что такое новое для империи Российской положение вызовет некоторые изменения в службе гражданской и в коренных местностях империи. <...> Мы смеем надеяться, что и в России русские получат привилегии не меньшие, чем иные народности»²¹. Из приведенного пассажа ясно, что даже в условиях войны и необходимости народного единения, к чему призывало царское правительство, неприятие «нерусскости» государственными элитами давало о себе знать.

Подобные настроения, однако, не ограничивались вопросами о формировании политических и военных элит империи. Они приводили к тому, что отношения между имперским центром и окраинами воспринимались в духе той же несправедливости. Характерное свидетельство тому можно обнаружить в классическом тексте, изданном в позднем «Наблюдателе» — издании, которое к началу XX века из типично литературного журнала превратилось в рупор русских националистов: «Для центра высшей милостью будет та награда, которую просил себе незабвенный герой Ермолов, покоритель Кавказа, у императора Николая Павловича: “чтобы его сделали немцем”. Так и для центра лучшую милостью будет сравнение с окраинами “в правах и преимуществах”»²². Здесь в юмористической манере затронута болезненная для русской интеллигенции тема — неравноправие России и покоренных ею окраин, фундаментальное с точки зрения существующей системы имперской власти. Эти настроения не были секретом для правительства.

Как показывает история, несмотря на стремление уравнять черносотенную и официальную государственную идеологию, свойственное советской историографии и встречающееся уже в левой интеллигентской традиции дореволюционной эпохи, любое сотрудничество имперского правительства с великорусскими националистами было редкостью. И хотя в сборнике «Народное дело» (1909), изданном свидетелями описываемого процесса, мы читаем: «Но особенно поучительно то, что кроме как на дворян и черносотенцев — своих приказчиков — Николаю II не на кого и опираться. Словно сама судьба гонит его в союз со всякою мразью и отбросами русской земли. И он все глубже и глубжетонет в вонючей тине и грязи»²³, — в реальности царское правительство, как

20 Подробнее о немецком случае см.: Котов Б. Положение немцев в земледельческих колониях юга России в оценке Российской прессы // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2011. № 1. С. 42–49.

21 Последствия, которых мы ждем // За Россию! 1916. 10 июля. № 77. С. 1.

22 Наша внутренние дела // Наблюдатель. 1901. № 12. С. 32.

23 Народное дело: Сборник. 1909. Вып. I. С. 120.

правило, с настороженностью относилось к таким потенциальным «союзникам». В определенных обстоятельствах оно могло прибегать к националистической и шовинистической риторике²⁴ и даже проводить соответствующую политику. В качестве классических примеров можно привести русификацию отдельных окраин и поддержку черносотенцев в ходе первой русской революции²⁵. Тем не менее в более длительной перспективе интересы имперских элит и националистов находились в прямом конфликте. Россия Романовых до последнего дня своего существования оставалась по большей части государством премодерна со свойственными ему классическими сословными, а не этническими ограничителями.

Однако здесь следует отметить чрезвычайно важный факт. Конфликт, который замечательно проиллюстрировал секретарь московского отделения Союза русского народа, основывался на ощущении, что правительство перестало выражать народные интересы. Этот сюжет прослеживается и в публицистике известного журналиста Михаила Меньшикова: «”Не все ль равно, какое население в России — русское, немецкое, польское или жидовское? Лишь бы платили подати и давали возможность накоплять золотую наличность!” Мне кажется, — для чиновников, запамятавших долг свой перед родиной, это может быть и “все равно”, — но самому-то русскому народу это далеко не все равно, и разница тут такая же, как между жизнью и смертью»²⁶. Представитель русской националистической идеологии, популярность к которому вернулась в 1990-е годы, прямо указывает на непримиримость интересов имперских элит и государствообразующего народа. Интерес государства, которое учитывает лишь собственное благополучие, был противопоставлен интересу народному.

Модернизация сознания российского общества, прежде всего его интеллигенции, привела к тому, что имперская система правления с ее многочисленными традициями, исключениями и привилегиями стала восприниматься как враг русского народа. Хотя большинство сопутствующих этому сюжетов присутствовало в публичном дискурсе и ранее. Например, ощущение асимметрии в процессе распределения прав и обязанностей среди разных групп населения или неравноправие представителей русского и немецкого дворянства. Но теперь подобные проблемы перестали быть малозначимыми и вышли на первый план.

Объектом критики стало даже корпоративное мышление дворянства, ранее считавшееся основой России. Интеллигенция, которая состояла по большей части из представителей того же сословия, начала видеть со стороны дворян предательство национальных интересов. Потому неудивительно, что в 1900 году подписчик «Наблюдателя» мог натолкнуться на пассаж: «Старания нашего дворянства монополизировать блага 2-го числа идут в разрез с интересами как других классов, так и всего государства. Наше русское дво-

24 Здесь можно обратить внимание на эпизод на северо-западной окраине империи, см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

25 См. другую оценку процесса национализации империи: [Berger, Miller 2015].

26 Меньшиков М.О. Национальный съезд // Меньшиков М.О. Из писем к близким. М.: Военное изд-во, 1991. С. 159. Изначально текст был опубликован в сборнике 1915 года.

рянство не должно забывать, что оно является среди инородческого дворянства лишь только привеском. В 1874 г. в 22 коренных русских губерниях на 27,755 тыс. русских было 129,262 дворянами. Из этого видно, что в русских губерниях 1 дворянин приходится на 230 жителей, а в западных 1 на 54 жителя, и вообще, что в России дворян, называющих себя поляками, в 2 1/2 раза больше нежели русских, а если к полякам прибавить многочисленные кавказские, немецкие и др. дворянства, то русские дворяне окажутся в России каким-то прибавочным элементом, незаметным в государственном организме»²⁷.

Постепенно русская интеллигенция достигла определенного консенсуса: главной жертвой имперского угнетения стали Россия и русский народ. Причиной этого угнетения виделась, как ни парадоксально, государственная политика экспансиионизма. Она приводила к захвату территорий, население которых было настроено враждебно по отношению к русским, а удержание контроля над ними требовало перераспределения ресурсов из центра на периферию. Такой тип мышления, окончательно сформировавшийся при Николае II, дал начало чрезвычайно любопытной дискуссии об «оскднении центра». Наиболее точно настроения эпохи передал выдающийся религиозный мыслитель Василий Розанов: «Ничего нет более поразительного, как впечатление, переживаемое невольно всяkim, кто из центральной России приезжает на окраину: кажется, из старого, запущенного, дичающего сада он въезжает в тщательно возделанную, заботливо взращиваемую всеми средствами науки и техники, оранжерею. Калужская, Тульская, Рязанская, Костромская губернии и вся эта центральная Русь напоминает какое-то заброшенное старье, какой-то старый чулан со всяким историческим хламом, отпевшие обитатели которого живут и могут жить без всякого света, почти без воздуха; где насилие никого не заставит закричать, а если кто и закричит — никто этого не услышит. <...> Можно подумать, что “империя” перестает быть русской; что не центр подчинил себе окраины, разросся до теперешних границ, но, напротив, — окраины срастаются между собою, захлестывая, заливая собою центр, подчиняя его нужды господству своих нужд, его вкусы, позывы, взгляды — своим взглядам, позывам, вкусам. Употребляя таможенную терминологию, Россия пользуется в самой России “правами наименее благоприятствуемой державы”»²⁸.

Симптоматично, что приведенная интерпретация со свойственным для нее неприятием имперской России была характерна не только для правого, но и для левого движения. В широко известном «Народном деле» появились следующие строки: «Но что же выигрывает русское трудящееся население от того, что правительство угнетает инородцев — душит, не дает им жить? Ничего русский народ от этого не выигрывает; даже проигрывает и очень много проигрывает. Во время войн и завоеваний мы, русские, поливали чужие равнины и горы кровью наших детей — солдат. Своими кровными грехами расплачивался и расплачивается русский трудовой народ за подвиги и преступления своего правительства. Кто, в самом деле, платит подати для содержания войск в местах, населенных инородцами? Вся трудовая русь, конечно, — трудящееся население всех народностей, живущих в России, в том числе и сам русский народ. <...> Но не забывайте, что содержание чиновников

27 Наша внутренние дела // Наблюдатель. 1900. № 10. С. 54.

28 Розанов В.В. Кто истинный виновник этого? // Русское обозрение. 1896. № 8. С. 650.

на окраинах, в местностях, населенных инородцами, стоит так дорого, что местных денег на это не хватает: русскому населению, живущему во внутренних губерниях приходиться развязывать свой и без того тощий кошелек на покрытие расходов, которые нужны правительству нашему для угнетения инородцев»²⁹.

Это неудивительно: в случае левых в центре размышлений находились все угнетенные, а не только русский народ. Тем не менее сам факт постановки знака равенства между народом, который в официальном дискурсе был главным бенефициаром существующего порядка, и жителями захваченных окраин следует трактовать как важный знак.

Таким образом, к началу XX века среди многих представителей русской интеллигенции сформировалось и укрепилось альтернативное видение империи: теперь на нее смотрели не как на предмет гордости и символ единства в противостоянии с внешними врагами, а как на структуру, угнетающую свой народ ради удержания многонациональных территорий; структуру, жертвуяющую русскими во имя собственных целей.

Два типа окраин

Сkeptические настроения, о которых шла речь в предыдущем разделе, не могли не сказаться на вере подданных в необходимость политики экспансиизма, столь важной для империи, и целесообразность удержания покоренных территорий. Как минимум часть русской интеллигенции с настороженностью относились к имперским амбициям собственного государства, что способствовало появлению новых трактовок границ России, альтернативных по отношению к господствующему дискурсу. Прославление империи, которая охватывала шестую часть суши, теперь казалось сомнительным предприятием из-за ее безудержного экспансиизма ценой благополучия собственного народа. В этой связи стоит уделить внимание тому, где проходила граница между «всемирной Россией», предметом чаяний национально ориентированной интеллигенции, и «не-Россией».

Следуя традиции описываемого периода, я обращусь к ключевым для того времени понятиям «центра» и «окраин». Несмотря на то, что в официальном дискурсе сам концепт колониальной империи по отношению к России отрицался, поскольку державе приписывался совершенно особый тип управления покоренными территориями, данные понятия полностью совместимы с классической дилеммой «метрополия/периферия». Об идентичности понятий «центра» и «метрополии» свидетельствует хотя бы тот факт, что под «центром» понимались только великорусские области, которые стояли у истоков формирования империи Романовых. Территории Беларуси, Украины и Малороссии считались «коренными» землями русского народа, но в то же время фигурировали в дискурсе преимущественно как окраины³⁰.

29 Савин А. Как живут народности России и как они могли бы жить // Народное дело. 1911. № VI. С. 76.

30 О разграничении великороссов и других славянских племен (так же как и о феномене up-down национализации) см.: Лескинен М.В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. Гл. 2.

В общественном восприятии периферий Российской империи можно выделить два типа, каждый из которых занимал особое место на ментальной карте³¹, по сути очерчивая ее контуры³².

К первому типу можно отнести «враждебные» окраины — они представлялись чужеродными элементами в составе государства. При этом причины подобных представлений варьировались. Некоторые территории считались опасными для титульного этноса, как, например, в случае Польши: «В Польше русские люди буквально находятся в осаде, и правительственные агенты расстреливаются. Кровь леденеет в жилах от тех ужасов, которые приходится переживать жителям Варшавы, Лодзи и других городов Привислинского края. Жестокая, непримиримая война объявлена поляками русскому Правительству!»³³. Другие же, хоть и считались покоренными, продолжали восприниматься «чуждыми», как это было в финском случае: «Русский гражданин должен, — изволите ли видеть, — подставить свой лоб на защиту финского побережья от врагов; русский крестьянин должен припасать хлебца финну на черный день, когда ему самому бывает нечего есть, а “культурный” финляндский барон или бюргер имеет право ничего не давать им в обмен <...> кроме будирующих речей на сейме да бойкотирования всех русских людей»³⁴.

Однако оба случая обладали общим знаменателем: удержание территории было скорее утверждением имперской мощи, нежели следствием их органической интеграции в состав России. Контроль над ними представлялся бременем, пустой тратой усилий русских на противостояние с непокорными народами. Все более популярными становились идеи, которые выражал Меньшиков: «Я имею право говорить о русском чувстве, наблюдая собственное сердце. Мне лично всегда было противным угнетение инородцев, насилиственная их русификация, подавление их национальности и т. п. Я уже много раз писал, что считаю вполне справедливым, чтобы каждый вполне определившийся народ, как, например, финны, поляки, армяне и т. д., имели на своих исторических территориях все права, какие сами пожелают, вплоть хотя бы до полного их отделения»³⁵. Ключевой здесь является формулировка «вполне определившийся народ», он же «враждебная окраина».

31 См.: [Шенк 2001].

32 Однако следует отметить, что сама по себе ментальная карта является крайне специфическим феноменом, она может формироваться под влиянием множества факторов — от личностных до сиюминутно-политических. Поэтому ниже я представляю лишь обобщенную модель восприятия колоний империи. О существовании исключений из этой модели свидетельствует тот факт, что нередко в разных обстоятельствах можно встретить разные взгляды на периферии империи, которые будут противоречить друг другу. Классический пример — один из лидеров славянофильства Иван Сергеевич Аксаков. На разных этапах своей жизни мыслитель придерживался прямо противоположных позиций по польскому вопросу, в частности о целесообразности нахождения Польши в составе империи. См.: Сосенков Ф.С. «Польский вопрос» в политico-правовых воззрениях И. С. Аксакова // Инновационная наука. 2015. № 1–2. С. 182–184. Поэтому рассматриваемые далее примеры нельзя считать исчерпывающими.

33 Александров А.Е. Инородцы в России. Современные вопросы: Финно-угорские народы, поляки, латыши, евреи, немцы, армяне, татары. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1906. С. 24.

34 Фонограф // Наблюдатель. 1900. № 2. С. 59.

35 Меньшиков М.О. Дело нации // Меньшиков М.О. Из писем к близким. С. 175. Первоначально опубликовано автором в 1914 году.

Нетрудно догадаться, что к таким окраинам прежде всего относили Польшу и Финляндию. Они традиционно занимали особое место в дискурсе российской интеллигенции и служили лакмусовой бумажкой для многих интеллектуальных трендов. Эта особенность обеих провинций уходила корнями во времена их присоединения к империи. О подобном состоянии вещей свидетельствует, например, типичная шовинистическая статья, где напрямую признается исключительность обеих «стран»: «Россия, давшая приют многим инородцам, сделалась за последнее время ареной, на которой инородческие элементы разыгрывают свои «собственные арии». На Кавказе армяне, на севере — финляндцы, на юге и юго-западе — жиды и поляки. Если еще до некоторой степени понятны претензии поляков и финляндцев, то совсем уж не-понятны претензии жида и армян»³⁶. Сюда же можно включить Кавказ и Среднюю Азию — территории, ассоциировавшиеся с мусульманским миром, — и некоторые китайские земли, находившиеся под влиянием России на пике могущества империи. Даже самые радикальные шовинистические издания, которые поддерживали официальную политику государства, считали эти регионы чуждыми, представляли их автономными мирами, существовавшими по собственным законам, и рассматривали их русификацию — в лучшем случае — как долгосрочный и сложный процесс без гарантированного успеха.

Более того, само их существование в составе империи часто воспринималось как обременение для русского народа. И это хорошо иллюстрирует концепцию «обратного колониализма», в соответствии с которой колонизатор и колонизируемый меняются местами³⁷: русский народ считался колонизируемым, а захваченные нации — колонизаторами. Из-за такой подмены понятий империя воспринималась как инструмент в руках инородцев, которые иногда совершенно осознанно, а иногда и неосознанно использовали государственные институты во вред русским³⁸. Данный процесс оказался возможным за счет частичной деконструкции империи со стороны интеллигенции и, как следствие, появления критических интерпретаций ее природы.

Пример обратного колониализма, который позволит лучше понять суть этого феномена, можно встретить в следующем тексте: «Более ста лет все наши государственные заботы устремлены были на развитие окраин. Мы там построили громадную железнодорожную сеть, устроили ряд портов и верфей. Бесчисленные миллионы, собранные главным образом с великорусского племени, затрачены нами на насаждение культуры на наших окраинах, на развитие торговли и промышленности, и в этих благославных местах мы не жалели денег. В течение ста лет мы все делали для окраин и ничего для центра... Окраины меньше, — сравнительно с центром, — платят податей и налогов, а между тем на нужды их из государственного казначейства расходуется больше финансовых средств, чем на убогий центр»³⁹. Здесь уместно задаться рито-

36 Наша внутренние дела // Наблюдатель. 1901. № 3. С. 53.

37 Подробнее об этом феномене см.: Боридченко С. Можно ли быть колонией своей колонии? О неочевидном способе трактования новейшей истории польско-российских отношений в учебной литературе по отечественной истории царской России // Scando-Slavica. 2024. Vol. 70. No. 2. P. 280–305.

38 Ср. с похожим явлением, но в колониальных империях раннего Нового времени: Pagden A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 — c. 1800. New Haven: Yale University Press, 1995.

39 Наша внутренние дела // Наблюдатель. 1900. № 11. С. 33.

рическим вопросом: кто, согласно приведенному нарративу, выступает в роли угнетенного, а кто — угнетателя: центр или периферии?

В эпоху Николая II подобный скепсис был характерен и для некоторых представителей государственных элит. Пусть и относительно редкие, однако крайне заметные сомнения можно считать существенной угрозой для империи как таковой. В отличие от интеллигенции, которая не обладала практически никакими рычагами влияния на политическую реальность, государственные элиты были способны лоббировать свои интересы на высшем уровне. Так, обычное недовольство существующим положением вещей с течением времени имело все шансы стать частью политической повестки. В качестве примеров настороженности по отношению к имперскому экспансиионизму, которая исходила от представителей государства, можно обратиться к случаям Маньчжурии и Польши.

Скепсис по отношению к российской колонизации территории Китая наиболее ярко выразил Деан Иванович Субботич, этнический серб, состоявший на службе у императора: «Мысль о занятии Манчжурии, несомненно, явилась у нас под влиянием того предположения, что предприятие это не только будет выгодно для России в материальном отношении, не только обогатит ее, но и будет содействовать возвеличиванию ее значения и силы в политическом международном отношении. Идем ли мы на Дальний Восток — к обогащению или разорению, — это мы можем до некоторой степени выяснить на совершенно объективных, цифровых данных. В экономическом отношении наш коренной Дальний Восток вообще никогда не давал доходов, а всегда дефициты, превышение государственных затрат над получаемыми казною поступлениями. <...> Обозначает это то, что мы идем на Дальнем Востоке отнюдь не к “обогащению”, а скорее к разорению и истощению. Мы катимся по наклонной плоскости, которая, если вовремя не остановимся, может привести нас на край пропасти»⁴⁰. Схожее отношение, указывающее на отягощение центра периферией, однако уже по отношению к польской окраине, можно встретить в тексте академика и общественного деятеля Ивана Ивановича Янжула. Как он отметил: «<...> таким образом присоединение к России создало для Польши обширный, монополизированный рынок для всяких продуктов через ее посредство, и великодушная Россия наложила на себя, следовательно, огромную тяжесть в пятнадцать раз большую, нежели на присоединенную страну <...> В 1859 году произошло таможенное объединение и уничтожение таможенной границы между Империей и Царством, что, обратно с ожиданиями, способствовало главным образом дальнейшему развитию и росту лишь польских интересов за счет русских»⁴¹.

Ко второму типу окраин относились территории, воспринимавшиеся как неотъемлемая часть ментальной России. Потерять их было немыслимо с точки зрения сохранности российской идентичности, так как они считались интегральными составляющими российского национального проекта. В первую очередь это касалось регионов, где преобладающую часть населения составляли восточнославянские народы: белорусы, украинцы, а также

40 Субботич Д.И. Задачи России на Дальнем Востоке: письмо к Военному министру А.Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель: Ревельские известия, 1908.

41 Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. Т. 2. СПб.: Тип. т-ва П. Ф. Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1911. С. 113.

русские⁴². При этом важную роль играл не только фактор демографического преобладания, но и внутренняя убежденность элит в культурном доминировании обозначенных этнических групп над этносами, коренными для региона, как это имело место в случае Сибири и Черноморского побережья.

Особенно четко это прослеживалось в дискурсе о западных рубежах империи, который послужил основанием для разграничения земель, принадлежащих России по «законам справедливости», и чужих земель. Эта демаркация — что неудивительно — примерно соответствует тому, как в XIX веке воспринималась этническая ситуация в Восточной Европе⁴³. В итоге дискурс часто и решительно противопоставлял земли северо- и юго-западного краев Польши⁴⁴. И что важно, в обоих случаях речь шла о провинциях в составе Российской империи. «По освобождении этих земель от польской власти и возвращении их России при Екатерине II, по ее повелению, была выбита медаль с надписью: “Отторженная возвратих”. Позднее она писала Якову Гримму: “при разделах Польши, я не получила ни одного вершка польской земли”. Для нас это непреложная историческая истинна. Поляки в западных губерниях — элемент пришлый»⁴⁵. Здесь вместе с традиционным акцентом на чуждость поляков в западных губерниях обращает на себя внимание игнорирование того факта, что в составе империи существовали, например, Привислинские губернии. И подобный прием не должен удивлять — популярное мнение о справедливости раздела Польши вступает в прямой конфликт с geopolитической реальностью после Венского конгресса, который привел, в соответствии с той же логикой, к великой несправедливости — захвату коренных польских территорий. Так, появляется образ двух России: «России истинной» и «России формальной».

В публицистике времен Николая II можно встретить многочисленные заявления о том, что Россия не может существовать без своих окраин — ее неотъемлемых частей. Одним из ярких примеров служит статья, изданная спустя год после отречения последнего императора: «В курских переговорах о мире с Украиной решается судьба всего Российского государства, речь идет о национально-государственном бытии России, о существовании того единого государственного и хозяйственного тела, которое до 3 марта 1918 года называлось

42 Как представляется, немаловажную роль здесь сыграли дискуссии о незавершенности национального строительства в Восточной Европе. Так, общерусский национальный проект продолжал влиять на отдельные национальные проекты трех восточнославянских этносов.

43 Интересно сравнить официальную трактовку «русскости» и то, как категоризовалось население многонациональной империи, см. об этом: *Cadiot J. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917)* // *Russian Review*. 2005. Vol. 64. No. 3. P. 440–455.

44 Такое различие (Западного края и Царства Польского), несомненно, являлось результатом царской политики. См.: Западные окраины Российской империи / Под ред. М.Д. Долбилова, А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2007. Тем не менее это различие является важным свидетельством того, как воспринимались границы Российской властью, учитывая, что неменьшая разница существовала между северо-западным и юго-западным краем, либо белорусскими и курляндскими губерниями. В то же время отмеченные различия не помешали интеллигенции на переломе XIX и XX веков сконцентрироваться исключительно на линии, проходящей над Бугом.

45 О наших культурных задачах в Северо-Западном крае // Наблюдатель. 1900. № 6. С. 34.

Российским государством. С того момента, когда Германия признала в лице украинской рады правительство самостоятельного украинского государства и это правительство заключило сепаратный мир с Германией, существованию прежнего Российского государства как экономического органического целого был нанесен самый сильный удар. Можно заниматься какой угодно риторикой, сколько угодно говорить о самоопределении, обращаться через головы членов украинской делегации ко всему украинскому народу, — все это не может изменить ни на йоту того реального факта, что Россия без Украины существовать не может. Это нужно ясно сознать и представить себе во всем реальном, грозном значении этого факта»⁴⁶. Символично, что факт утраты к тому времени контроля над Финляндией и Польшей не привлекал особого внимания автора, тогда как перспектива потери Украины вызывала совершенно иные чувства⁴⁷.

Такое нежелание терять контроль над «дружественными» окраинами усиливалось в те моменты, когда элиты пытались переосмыслить границы российского суверенитета. Их понимание границ суверенитета, как правило, основывалось на «исторической закономерности» и/или «желании абсолютного большинства местного населения». Соответственно, любые притязания на независимость или хотя бы большую степень автономии, даже исходящие от местной интеллигенции, воспринимались как следствие внешнего деструктивного влияния, с которым нужно было бороться. Например, в стремлении Украины получить самостоятельность, что для интеллигенции было синонимичным подрыву единства русской нации, виделся польский и австро-венгерский след, в случае Беларуси — польский, а в случае стран Балтии — немецкий и польский и т.д. Методы, которые использовало царское правительство, активно перенимались, что было высмеяно в одном из текстов журнала «Заветы»: «[В ответ на рост национального самосознания] Священник с церковного амвона объявляет всех читающих украинские книги и газеты австрийскими шпионами»⁴⁸.

Показательно, что в отличие от «враждебных» окраин, существование которых отдельно от империи мыслилось возможным, пусть и ценой их отторжения от российской имперской «щедрости», «свои» окраины воспринимались как территории, не обладающие никакими правами на самостоятельность — ни в политическом, ни даже в интеллектуальном смысле, — так как они должны были являться зеркальным отражением великорусских провинций. Например, в уже упомянутой статье времен Гражданской войны есть примечательный момент: «Перед Великороссией стоит поэтому задача, если только Россия должна существовать, сохранить экономическое единство Российского государства. Если этого не удастся достигнуть в Курске [посредством сохранения контроля над Украиной], надо немедленно готовиться к иным методам борьбы за сохранение России»⁴⁹. Парадокс здесь заключается в том, что сообщества,

46 Украина и Россия // Новый день: Орган социалистической мысли. 1918. 1 мая. № 32. С. 1.

47 О значимости Украины для российской интеллигенции, истории российско-украинских противоречий и развитии обоих национальных проектов см.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000.

48 Ефремов С. Из украинской жизни // Заветы. 1913. № 4. С. 174.

49 Украина и Россия // Новый день: Орган социалистической мысли. 1918. 1 мая. № 32. С. 1.

которые считались «братьскими» и дружественными, лишались субъектности и права на существование без опеки русского народа.

Руководствуясь этой логикой, публицисты создавали «русофильские» образы. В газетах и журналах времен последнего царя часто можно было встретить отсылки к неким полумифическим народам-союзникам. Так, например, коренное население прибалтийских провинций представляли естественным союзником России в ее борьбе с Германией. Хрестоматийным образцом подобного явления может послужить следующее описание литовцев: «Есть в русском государстве страна, в которой живет народ, говорящий особым, замечательным языком, своеобразный по своему быту, преданиям и старым верованиям, издавна связанный судьбами истории с русскою землей, имеющий важное значение для нас и ныне, но нам неведомый; его не знают ни русское общество, ни русские ученые»⁵⁰. Похожее отношение было и к польским лемкам, закарпатским русинам и многим другим народностям. Во всех этих случаях на первый план, помимо вопроса о природе конкретной окраины, выходит психологический фактор, а именно страх одиночества. Наличие враждебных окраин требовало уравновешивания в виде реальных или вымыщленных союзников. Однако эта тема останется за пределами моего рассмотрения.

Отрывок текста, приведенный выше, свидетельствует о том, что восприятие окраин тесно связано с интеллектуальным климатом эпохи. Российская интеллигенция была разделена на разные идеологические лагеря, каждый из которых по-разному трактовал судьбу периферий. Любопытно, что четкой взаимосвязи между политическими взглядами и отношением к территориальной целостности империи не наблюдалось. Например, среди социалистов часто можно было встретить жесткую приверженность «единой и неделимой России», а ленинский подход к уничтожению «тюрьмы народов» даже среди его товарищей по левому флангу часто становился предметом критики. Подтверждение тому можно найти, например, в статье из меньшевистского журнала «Наша заря»: «Намечаются два течения. Еврейские марксисты полагают, что право на самоопределение означает введение культурно-национальной автономии; В. Ильин и его политические друзья отождествляют таковое с образованием национальных государств. Нам думается, что если первые недостаточно учитывают всю сложность условий российской жизни, то вторые совершенно не считаются ни с тенденциями ее развития, ни с тенденциями капитализма вообще»⁵¹. И хотя тенденция, отмеченная в статье, зачастую обосновывалась через наднациональную солидарность угнетенных классов, в реальности она в значительной мере была продуктом государственной пропаганды и свидетельством моральной неготовности к отказу от статуса империи.

Таким образом, ментальная карта России формировалась под влиянием базовых человеческих эмоций — страха перед «чужими» и чувства безопасности среди «своих». «Враждебные» окраины воспринимались как потенциальный источник угроз, что порождало желание либо избавиться от них, либо держать их под контролем, но на расстоянии. Напротив, «свои» окраины считались естественной частью России (а если быть точным — великорусского центра), а их культурная идентичность игнорировалась или интерпретировалась сквозь

50 О наших культурных задачах в Северо-Западном крае // Наблюдатель. 1900. № 6. С. 43.

51 Залевский К. Национальный вопрос в России // Наша заря. 1914. № 5. С. 16.

призму русской (но не российской) государственности. Отмеченные представления направляли на политику Российской империи и ее наследников, формируя определенную стратегию удержания территорий и выстраивания отношений с национальными меньшинствами и соседними государствами. Эти же представления оказали сильное влияние на национальные движения бывших окраин, которые впоследствии смогли стать независимыми нациями.

Заключение

Анализ выбранного корпуса источников позволяет заключить, что интеллектуальная деколонизация в поздней Российской империи стала результатом модернизации общественного сознания. Под влиянием исторических обстоятельств, а именно событий 1917 года и последующего прихода к власти большевиков, данный процесс оказался прерванным, так и не получив логического завершения. Этому способствовал целый ряд причин, начиная с трансформации российского империализма в Советском Союзе по модели, охарактеризованной Терри Мартином как «империя позитивной дискриминации»⁵² (что, однако, не помешало сохраниться самой суть империализма — дихотомии господства и подчинения⁵³) и заканчивая разрывом в преемственности между интеллектуальными элитами, так как советская интеллигенция открыла новую главу в интеллектуальной истории России.

Несмотря на незавершенность интеллектуальной деколонизации, она продолжала представлять существенную угрозу для последующих форм российской государственности. Первопричиной этого явления долгое время оставался упадок премодерного общества, что, как ни удивительно, шло вразрез с интересами элит. По этой причине можно предположить, что некоторые выводы, сделанные в статье, распространяются не только на рассматриваемую эпоху и применимы к другим историческим контекстам⁵⁴.

Как показывает исследование, модернизация стала толчком, который привел к десакрализации образа империи в общественном сознании. Государство, ранее воспринимавшееся как величайшее достижение российской нации, постепенно стало считаться угнетателем русского народа, в результате чего российская нация и русский народ оказались своего рода антагонистами⁵⁵. Немаловажную роль в этом сыграло то, что традиционная корпоративная культура дворянства вместе с его привилегированным положением постепенно деградировала. На смену идентификации по типу сословия пришла этноцентрическая самоидентификация. В подобных условиях нормы и дискурсы, существовавшие на протяжении многих веков, потеряли свое влияние, хотя это и не мешало намеренно использовать их в рамках царского церемониала, что только усугубляло существующий конфликт⁵⁶.

52 См.: [Martin 2001].

53 См. альтернативную позицию в ст.: [Martin 2002].

54 См.: [Etkind* 2023].

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

55 Эта же проблема рассматривается в ряде работ. Одна из самых актуальных и в значительной степени перекликающихся с моими выводами монографий: [Сергеев 2017].

56 О значении церемониала для монархии Романовых см.: [Wortman 2000].

В итоге в том, как интеллигенция воспринимала собственное государство, решающую роль играли чувства страха и неприятия. Именно эти эмоции повлияли на общественные настроения, которые обычно сопутствовали деколонизации в других колониальных империях XX века. Частью этих настроений было восприятие отдельных регионов внутри государства как обременяющих и угрожающих благополучию «титульного» народа. Такой образ напоминает чемодан с оторванной ручкой: как в дальнейшем показала история, эти же настроения обретут популярность в позднем Советском Союзе и внесут свой вклад в процесс распада первого государства рабочих и крестьян. Подобное сходство позволяет сделать вывод об универсальной природе сомнений в необходимости экспансиионаизма за пределы национального ядра для любого империообразующего сообщества.

Вернемся к России времен Николая II. Особого внимания заслуживает то, что даже безоговорочное административное и военное господство империи над перифериями не всегда означало, что они полноценно включены в ментальное пространство государства. Неполная интеграция могла приводить — и приводила — к признанию ментальной автономии окраин и их отделенности от воображаемой России. В то же время обратную тенденцию можно наблюдать в тех случаях, когда общество было убеждено в наличии у него особой миссии, сочетающейся с локальной русофилией. Примером может служить как нарратив защиты от угнетения польских «панов» родственного великороссам восточнославянского населения Речи Посполитой, так и концепция мирного освоения Сибири — включение в сферу цивилизации диких, но благодарных России племен.

Таким образом, случаи, рассмотренные в статье, хотя и не претендуют на то, чтобы дать исчерпывающую картину событиям эпохи последнего Романова, но выявляют очень важную и в определенной степени пессимистическую закономерность. Отторжение периферии от центра по инициативе империообразующего сообщества становится возможным прежде всего за счет насилия со стороны покоренных по отношению к захватчикам. Именно насилие формирует условия для признания деколонизации как свершившегося факта, который будет восприниматься как неизбежная реальность. Более того, в случае Российской империи особенно заметна убежденность элит метрополии в том, что отказ от периферий — это не национальная трагедия и утрата величия, но успех «титульного» народа в деле избавления от докучливого груза. Защищая себя от интеллектуального колониализма, общество приходит к консенсусу в неприятии и враждебности, тем самым отказываясь признать право иных сообществ на самостоятельность. Альтернативы, которые предполагают диалог и постепенную эволюцию отношений между метрополией и перифериями, лишь усиливают интеллектуальные империалистические тенденции.

Библиография / References

[Горизонтов 1999] — Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999.

(Gorizontov L.E. Paradoxy imperskoy politiki: Pol'sy i russkie v Rossii i v Pol'she. Moscow, 1999.)

- [Горизонтов 2007] — Горизонтов Л.Е. Казань и Казанская губерния на ментальных картах Российской империи XIX — начала XX в. // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 27—38.
- (*Gorizontov L.E. Kazan' i Kazanskaya guberniya na mental'nykh kartakh Rossiyiskoy imperii XIX — nachala XX v. // Imperskie i natsional'nye modeli upravleniya: rossiyskiy i evropeyskiy opty*. Moscow, 2007. P. 27—38.)
- [Горизонтов 2013] — Горизонтов Л.Е. Познавая Российскую империю: Ментальные карты простонародья и образованного общества во второй трети XIX века // Родина. 2013. № 12. С. 43—46.
- (*Gorizontov L.E. Poznavaya Rossiyskuyu imperiyu: Mental'nye karty prostonarodya i obrazovanogo obshchestva vo vtoroy treti XIX veka // Rodina*. 2013. No. 12. P. 43—46.)
- [Правилова 2006] — Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М.: Новое издательство, 2006.
- (*Pravilova E.A. Finansy imperii: Dengi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh. 1801—1917*. Moscow, 2006.)
- [Сергеев 2017] — Сергеев С.М. Русская нация: национализм и его враги. М.: Центрполиграф, 2017.
- (*Sergeev S.M. Russkaya naciya: natsionalizm i ego vragi*. Moscow, 2017.)
- [Шенк 2001] — Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. №4. С. 4—17.
- (*Shenk F.B. Mental'nye karty: konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva v Evrope // Politicheskaya nauka*. 2001. No. 4. P. 4—17.)
- [Adamczewski 2019] — Adamczewski P. Adamczewski P. Polski mit etnopolityczny i Kaukaz. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2019.
- [Anderson 1991] — Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991.
- [Berger, Miller 2015] — Nationalizing Empires / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015.
- [Błachowska 2001] — Błachowska K. Narodziny imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2001
- [Boridzenko 2021] — Boridzenko S. Obraz Relacji Polsko-Rosyjskich w Podręcznikach Szkolnych Mojżesa Ostrogorskiego // Historia Slavorum Occidentis. 2021. Vol. 4. No. 31. P. 68—88.
- [Etkind 2013] — Etkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2013.
- [Etkind 2023] — Etkind A.* Russia Against Modernity. Cambridge: Polity Press, 2023.
- [Gellner 1983] — Gellner E. Nations and Nationalism. New Perspectives on the Past. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
- [Greenfield 1992] — Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- [Hobsbawm 1987] — Hobsbawm E. The Age of Empire, 1875—1914. New York: Pantheon Books, 1987.
- [Hobsbawm 1992] — Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- [Lohr 2003] — Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
- [Martin 2001] — Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923—1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
- [Martin 2002] — Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // Ab Imperio. 2002. No. 2. C. 91—105.
- [Miller 2008] — Miller A.I. The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research. Budapest: Central European University Press, 2008.
- [Staliūnas 2016] — Staliūnas D. Poland or Russia? Lithuania on the Russian Mental Map // Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century / Ed. by D. Staliūnas. Boston: Academic Studies Press, 2016. P. 23—95.
- [Thompson 2000] — Thompson E.M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport: Greenwood Press, 2000.
- [Weeks 1996] — Weeks T. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863—1914. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996.
- [White 1973] — White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.
- [Wortman 2000] — Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Vols. 1—2. Princeton: Princeton University Press, 2000.

* Включен Министром РФ в реестр иностранных агентов.